

18. *Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza lexiki [Problems of semantic analysis of vocabulary] / Dmitriy Nikolaevich Shmelev. – M. : Prosveschchenie, 1973. – 280 s.*
19. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin und München, 2008. – 1312 S.*

Кувшинова Н. М. Омонімічні відносини німецьких запозичень у лексичній системі російської мови.

У російській мові XVII–XVIII ст. значну частину іноземних слів склали німецькі лексичні запозичення. Німецькі запозичення вступають у різні семантичні відносини у складі лексичної системи російської мови. Омонімічні слова можуть проникати з мови-джерела в мову-реципієнт паралельно або послідовно, не маючи між собою ніякої схожості в семантиці. Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: лексичні запозичення, омонімічні відносини, мова-джерело, мова-реципієнт.

Kuvshinova N. M. Homonymous relations of German borrowings in the lexical system of the Russian language.

In Russian language of the XVII–XVIII centuries, the significant part of foreign words were German lexical borrowings. The problem of enriching the Russian language with lexical borrowings as a result of its interaction with other languages (in our case, German) remains relevant, since we are talking about the ongoing, continuous development and improvement of its language system. German borrowings enter into various semantic relations as part of the lexical system of the Russian language. Homonymous words can penetrate from the source language into the recipient language simultaneously or sequentially, without any similarity in semantics. To reasonably distinguish homonymy from polysemy, it is necessary to use as much comparative data as possible, which will reveal which semantic features prevail – similar or distinctive: in the first case, the words are ambiguous, in the second – homonymous. German homonym words appeared in the Russian language through both parallel (most often) and sequential penetration. Some homonyms from the German language entered the Russian language in several meanings and acquired ambiguity in the recipient language. The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations.

Keywords: Lexical borrowing, homonymic relationship, language-source, language-recipient.

А. Пясецка
Лодзинский университет
(Польша)

ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье подчеркивается важное место фразеологии в процессе овладения иностранным языком. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с переводом устойчивых выражений на иностранный язык. Кроме того, автор показывает способы понимания фразеологии и кратко описывает ее связь с когнитивными науками. Согласно представленной в статье точке зрения, для лингводидактики решающими чертами

фразеологизмов являются воспроизводимость и переводимость. Именно они помогают осуществить цель дидактического процесса – правильно выражать мысли на языке, которым иностранец стремится овладеть.

Ключевые слова: фразеология, глоттодидактика, перевод, когнитивные науки, антропоцентризм.

Научной основой лингводидактики является, как известно, языкознание, которое исследует и описывает все элементы языка в различных аспектах. Цель дидактического процесса в преподавании иностранных языков состоит в формировании у учащегося умений создавать и воспринимать текст. Эти умения обеспечивают возможность эффективно воздействовать на адресата, а также правильно интерпретировать сообщения, поступающие извне, от другого коммуниканта. Однако, чтобы процесс коммуникации мог состояться в соответствии с целью, свойственной различным типам текстов (поэзия, рекламный текст, публицистический текст, сценическая речь, письмо и т. д.), нужно помнить о принципе, необходимом для приобретения коммуникативных навыков на иностранном языке, который связан главным образом с овладением соответствующими страноведческими, культурологическими, этническими, социальными, ментальными знаниями [см.: 20, с. 29], благодаря которым можно глубже понять мотивацию семантики лексических единиц изучаемого языка.

Особенно полезным в процессе преподавания языка может быть популярное в последние годы введение в дидактику иностранных языков методологических предпосылок **когнитивистики**. Возникшее в Америке в 70–80-е гг. XX в. когнитивное направление в науке предполагает изучение языка посредством углубления в культурные, психологические, религиозные, философские аспекты, подчеркивает необходимость понимания взаимоотношений между языковыми и внеязыковыми явлениями, склоняет к логическому мышлению и внимательному наблюдению за процессами, происходящими в мире.

По В. Гумбольдту, когда человек создал язык, он отразил себя именно в языке: “Он запечатлел в языке все, что ему известно о нем самом и его физическом облике, внутренних состояниях, эмоциях и интеллекте, внешнем мире, свое отношение к себе и окружающему миру. Человек обнаруживает себя во всем пространстве языка. Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка” [4, с. 378].

Анализируя значение **антропоцентрической перспективы** в лингводидактике, стоит также привести слова польского исследователя Войчеха Горчицы: “Dzisiaj, kiedy w dyscyplinach humanistycznych mocno zaznacza się tendencja do holistycznego ujmowania znaczenia w perspektywie antropocentrycznej, imperatywem dla glottodydaktyki staje się aktywizowanie umysłu ucznia, jego zdolności do twórczego, wyobrażeniowego ujmowania rzeczywistości poprzez medium jej interpretacji, czyli język (w tym przypadku język obcy)” [17, с. 4].

Согласно антропоцентризму, человек является точкой отсчета в анализе, своеобразным олицетворением ключевого звена, которое обладает совокупностью разных характеристик, позволяющих выявить специфику функционирования *homo sapiens* как объекта научного изыскания. Не случайно так много фразеологизмов, о которых речь пойдет ниже, интерпретирует мир с точки зрения человеческого опыта.

Целью данной статьи является показать, какое важное место при обучении иностранному языку занимает фразеология и каким образом можно формировать фразеологическую компетенцию у изучающих русский язык. Главная задача статьи состоит в рассмотрении особенностей перевода фразеологизмов. Кроме того, наше внимание уделяется вопросу необходимости толкования семантики устойчивых единиц разного типа на широком культурологическом фоне.

Когнитивистика подчеркивает, что для надлежащего описания ряда языковых единиц, фразеологизмов в первую очередь, необходимо также рассматривать их как с точки зрения синхронии, так и в диахроническом аспекте, поскольку то, что синхрония считает немотивированным, обычно истолковывает диахрония. Следует с уважением относиться к факту, что язык является предметом постоянных изменений, тогда как синхрония определенным образом стабилизирует эту динамику. Когнитивистский аспект языковых исследований размывает четкие границы между синхронией и диахронией, в результате чего обе точки зрения дополняют друг друга. Многие фразеологизмы можно считать мотивированными по значению только тогда, когда мы обратимся к истории или культуре. Фразеологические ресурсы языков позволили подчеркнуть когнитивную роль метафоры, показали способы концептуализации мира, доказали языковой антропоцентризм.

Повторяющейся чертой фразеологической единицы во всех теориях является ее воспроизводимость, существование в языке в готовой форме. Фразеологизмы не образуются в речевом акте, а воспроизводятся из памяти в готовой форме. Такой подход характерен для популярного в Польше течения, определяемого Войцехом Хлебда как **фразеология адресанта**. Этот вид фразеологии, называемый **фразематикой**, исследует все то, что является готовым в единичном речевом акте, заданным заранее, и что создается для нужд определенной коммуникативной ситуации. В этом разрезе фраземами являются разнообразные с точки зрения происхождения, значения, структуры и стилистики пословицы, поговорки, крылатые слова, идиомы, составные термины, клише, прецедентные тексты, формулы этикета, рекламные лозунги и любые другие языковые образования, которые представляют собой готовое и воспроизводимое целое, которое может быть использовано для выражения соответствующего содержательного потенциала [15, с. 46].

Стоит отметить, что российский фразеолог Л. И. Ройзензон уже в 1973 г. предлагал принять критерий воспроизводимости как достаточный для

выделения единиц в качестве фразеологических. В своей книге “Лекции по общей и русской фразеологии” он предлагал называть их **устойчивыми словесными комплексами**.

Надо иметь в виду, что сторонники узкого понимания фразеологии, такие как В. В. Виноградов, А. И. Молотков, В. П. Жуков, А. И. Федоров, А. В. Кунин, В. Г. Гак, В. Н. Телия, под фразеологической единицей понимают чаще всего идиомы с номинативным значением, которые непосредственно называют предметы, явления, действия и свойства. Такие целостные по составу единицы можно заменить лексемным синонимом: *бить баклуши – бездельничать, вставлять палки в колеса – мешать*. И даже если заменить фразеологизм одним словом трудно, он все равно означает конкретный предмет или явление: *оказаться у разбитого корыта* ‘потерять то, что кто-то имел, приобрел’. Названная единица используется тогда, когда речь идет о неожиданном и резком ухудшении чьего-то материального или социального положения. Несмотря на обширное описание ситуации, в которой используется данное выражение, очевидно, что оно касается не суммы фактов, а конкретного, отдельного явления. Фразеологизм в узком значении является сочетанием слов с нерегулярной семантикой, которые в предложении выполняют функцию определенного его члена. В. В. Мокиенко отмечает: “Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением” [6, с. 4].

Для процесса преподавания и обучения иностранному языку именно переводимость и воспроизводимость имеют ключевое значение. Как подчеркивал упомянутый уже Войцех Хлебда, во время процесса создания новых текстов принцип воспроизводимости играет решающую роль, обеспечивает правильность высказывания. В технологии производства текста “*zadaniem numer jeden nie jest, jak się wydaje, poznawanie zasad łączliwości leksykalnej (wyrazów z wyrazami), lecz poznanie zasad łączliwości jednostek języka, którymi są zarówno wyrazy, jak i grupy wyrazowe oraz całe zdania. <...> mechanizmy łączliwości czy kombinatoryki „gotowych wyrazów” z „gotowymi grupami wyrazowymi” i „gotowymi zdaniami” najprędzej dostrzega się w tekstach wówczas, gdy do ich analizy przystępuje się właśnie z kryterium “odtworzalności w danej sytuacji” jako zasadą organizującą tok analizy*” [14, с. 107].

Эти два аспекта – **переводимость** и **воспроизводимость** – обуславливают создание грамотных текстов. Принятие более узкого понимания фразеологии вводит принцип, что если что-то не является именно фразеологизмом, то должно быть свободным (несвязанным) сочетанием слов. Перенося этот подход на дидактическую практику, мы получаем то, что словосочетания типа *nie deptać trawników* переводятся учащимися как *не топтать газонов*, что, безусловно, является значительным нарушением системных и текстовых ограничений русского языка. Правильным ведь является перевод *по газонам не ходить*.

Выбор широкого понимания фразеологии связан главным образом с практическими соображениями, а следовательно, с созданием специальных переводных фразеологических словарей. В языке существуют устойчивые, целостные по составу связанные сочетания слов, которые, на первый взгляд, не демонстрируют идиоматичности, например, *maszyna do pisania* 'пишущая машинка', *łyżeczka do herbaty* 'чайная ложечка'. В практике коммуникации проблемы возникают тогда, когда мы пытаемся их перевести на русский язык. В этом случае получается, что буквально, по словам их невозможно перевести, потому что у них имеются готовые соответствия (транслаты), которые учащийся должен знать в определенной готовой форме, если не хочет нарушать устоявшихся языковых норм. Проблеме переводимости устойчивых единиц, в нашем случае польских выражений на русский, посвящены два известных словаря: "Idiomy polsko-rosyjskie" Войцеха Хлебды, Альбины Голубевой, Яна Вавжиньчика, Томаша Вельга [15] и "Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski" под редакцией Войцеха Хлебды [18]. На обложке первого лексикографического труда мы читаем, что он представляет "сборник идиом для каждого поляка, изучающего русский язык, а также для русских, изучающих польский, и является неоценимым пособием для преподавателей, учителей и профессиональных переводчиков. Собранные в нем единицы, так называемая "малая идиоматика", являются, как представляется, более коварными при переводе, чем классические фразеологизмы, поскольку последние своей яркой, образной, метафорической, порой даже экзотической формой выделяются в тексте, тогда как устойчивые единицы, такие как *maszyna do szycia*, *maszyna do pisania*, *pisanie na maszynie*, *pisać na maszynie* (швейная машина, пишущая машинка, машинопись, печатать на машинке) из-за своей обычности приводят к тому, что менее опытный переводчик принимает их за свободные словосочетания и с легкостью поддается соблазну перевести их на другой язык буквально, по словам. Тем временем *maszyna do szycia* – это не машина для шитья, но швейная машина; *maszyna do pisania* – это не машина для письма, а пишущая машинка; *pisanie na maszynie* (как действие) – это не писание на машинке, а машинопись, тогда как *pisać na maszynie* (конкретное действие) переводится не как писать на машинке, а как печатать на машинке (перевод – А. П.; см.: 16, с. 7).

Второй из названных выше словарей также регистрирует устойчивые идиоматические словосочетания, которые в большинстве своем не были отмечены в других словарях или были приведены избирательно, оказались разбросанными по обширным словарным статьям. Его создание было продиктовано практическими потребностями студентов русской филологии и других родственных дисциплин, а также недостатками существующих польско-русских переводных словарей. *Idiomatykon polsko-rosyjski*, состоящий по замыслу создателей из нескольких или нескольких десятков томов (на сегодняшний день появилось уже 9 томов), включает в себя такие

словосочетания, как библеизмы (*rzeź niewiniątek* – избивение младенцев, *alfa i omega* – альфа и омега); мифологизмы (*stajnia Augiasza* – авгиевы конюшни, *syzyfowa praca* – сизифов труд); крылатые слова и выражения (*Lustereczko, lustereczko, powiedz przecie, kto jest najpiękniejszy na świecie?* – Зеркальце, зеркальце, молви скорей, кто здесь красивей, кто здесь милей?, *złoty środek* – золотая середина, *Stoliczki, nakryj się!* – Скатерть-самобранка, развернись); устойчивые формулы обращения (*Proszę siostry!* / *Siostro* – Сестра! / Сестричка! ‘обращение к медсестре’, *Proszę siostry!* / *Siostro?* – Матушка ‘обращение к монахини’); имена собственные реальных и вымышленных персонажей (*Poncjusz Pilat* – Понтий Пилат, *Kubuś Puchatek* – Винни-Пух, *Marylin Monroe* – Мерлин Монро); составные географические наименования (*Ameryka Łacińska* – Латинская Америка, *Kraina Tysiąca Jezior* – страна тысячи озер, *królowa rzek polskich* – королева польских рек, *Zielony Kontynent* – зеленый континент); эмотивы (*Jeszcze czego!* (употребляется как отказ с оттенком критики) – Еще чего <захотел>!, *Rany boskie!* (может иметь позитивную и негативную коннотацию) – Господу! / Боже мой!, *Rzecz jasna!* (употребляется в значении согласия) – Само собой! / Без вопросов! / Какие вопросы!); названия произведений в виде словосочетаний (*Przeminęło z wiatrem* – Унесенные ветром, *Cudowna lampa Alladyna* – Волшебная лампа Алладина / Алладин и волшебная лампа); названия мер (*pułeczko zapalek* – коробка / коробок спичек, *pełeczek rzodkiewek* – пучок редиски); названия организаций, учреждений (*biuro prasowe rządu* – пресс-служба правительства, *Centralne Biuro Śledcze* – Центральное разведывательное управление); компьютерные термины (*hasło dostępu* – пароль доступа, *karta dźwiękowa* – звуковая плата, *płyta główna* – материнская плата); заглавия литературных произведений (*Boska komedia* – Божественная комедия, *Dzieci z Bullerbyn* – Мы все из Бюллербю, *Czerwony Kapturek* – Красная Шапочка, *Królowna Śnieżka i siedmiu krasnoludków* – Белоснежка и семь гномов, *Tomcio Paluch* – Мальчик-с-пальчик) и аналогичные им воспроизводимые, сохранившиеся устойчивые словосочетания. Как отмечает во введении Войцех Хлебда, “*Idiomatykon* представляет собой то особое понимание термина *фразеология*, которое включает в себя комплекс номинативных единиц-словосочетаний, представляющих собой сохраненные в языке целостные знаки, вербализующие понятия, суждения, оценки и эмоции” [19].

Широкий подход к фразеологии и принятие во внимание принципа, согласно которому создание текста представляет собой различные комбинации языковых единиц, является предпосылкой для построения на иностранном языке высказываний, правильных не только грамматически, но и текстуально. Языковые единицы могут состоять из одного слова или нескольких слов различного характера. Упомянутые словари доказывают, что труднее всего выявить и правильно использовать сочетания, которые своей обычностью не демонстрируют идиоматичности в повседневном языковом общении. Мы полагаем, что внимательное наблюдение за языком с

точки зрения определения данных, воспроизводимых автоматически, приводит к приобретению коммуникативной компетенции, которой сегодня лингводидактика придает особое значение.

Овладение фразеологией, как видно из вышесказанного, представляет собой сложный процесс и требует углубленного изучения языка. Часто оно сочетается с необходимостью обращаться к другим дисциплинам, таким как история, география, художественная литература, культура или фольклор, характерный для данной страны. Устойчивые языковые единицы из поколения в поколение передают особенности, касающиеся повседневного быта, экономики, исторических изменений, политики, обычаев. Очень важно при изучении различных идиом, пословиц, поговорок или крылатых слов и выражений осознавать культурный фон, позволяющий взглянуть на язык не только в синхроническом, но и в историческом аспекте. Учет влияния культурного фона в курсе фразеологии является особенно полезным для филологов, переводчиков и преподавателей. Именно этот национально-культурный компонент семантики целостных языковых единиц отражает мир русской жизни, элементы материальной и духовной культуры русского народа. Без подробного **культурологического рассмотрения фразеологизмов** невозможен эффективный процесс активизации в речи иностранцев русских устойчивых выражений.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс культурного развития данной страны, передают культурные стереотипы, символы. Они являются микромирами, сочетающимися в себе, как утверждал Ф. М. Буслаев “и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам” [5, с. 82]. Их можно назвать душой языка, в которой неповторимым образом отражается дух и специфика конкретной нации. Например, компонентами некоторых фразеологизмов являются материальные предметы, характерные для русской культуры: *лаптем щи хлебать* – ‘быть совершенно необразованным, некультурным’, *как с писаной торбой носиться* – ‘уделять слишком много внимания тому, кто (или что) такого внимания не заслуживает; переоценивать кого-либо, что-либо’. В. А. Маслова пишет о названных устойчивых единицах следующим образом: “Эти фразеологизмы в самом своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры – щи, лапоть, торба. Их значение и неодобрительная оценка формировались с учетом значений этих лексем. Так, *щи* – слишком простая народная пища, вместо ложки употребляется простейшая обувь – лапти, кушать которыми недостойно, отсюда неодобрительная оценка; *торба* – вид сумки, которую раньше носили нищие и прочий простой люд, она не является ценной вещью, ибо хоть и писанная, но все же торба, а отсюда те, кто носится с ней, вызывают неодобрение” [5, с. 83].

Встречаются фразеологизмы, которые не имеют аналогов в других культурах и отражают типичные реалии для данного общества: *похвальная грамота, казанская сирота, бить в набат*. Другие содержат такие компоненты, которые являются значимыми для определенного народа: *ходить фетром* – ‘ходить надутым как индюк, задравши нос’, *писать <ногами> мыслете* – ‘идти шаткой походкой, как правило, иронически и шутливо о пьяном’. *Фетр* – прежнее название буквы *Ф*, напоминающей человека, который упирается руками в бока. *Мыслете*, в свою очередь, означало когда-то букву *М*. Немало и таких устойчивых единиц, прототипы которых описывают некоторые обычаи, традиции, детали обычной жизни, исторические события, верования. Прототипы фразеологизмов могут свидетельствовать о русской письменности (*начинать с азов, не знать ни аза, с красной строки, точка в точку*), о денежной системе (*ни гроша / ни копейки за душой, гроша ломаного не стоит*), о детских играх и развлечениях (*играть в прятки / в кошки-мышки, куча мала, нашего полку прибыло*), о ремеслах (*вить веревки*), о народной медицине (*заговаривать зубы, выжигать каленым железом, до свадьбы заживет*), об охоте и рыболовстве (*забрасывать удочки, подцепить на удочку, ловить рыбу в мутной воде, гоняться за двумя зайцами*), о типичной российской флоре и фауне (*через пень-колоду, кто в лес кто по дрова, как в темном лесу, как с гуся вода, как корове седло, волком выть, медведь на ухо наступил, дрожать как заяц*). Некоторые фразеологизмы относятся к внешнему виду человека, его одежде или обуви (*посмеиваться в бороду, спустя рукава, заткнуть за пояс, дать по шапке*). Большая группа устойчивых языковых единиц касается подробностей повседневной жизни россиян, таких как плетение лыка (*не лыком шит, не всякое лыко в строку, лыка не вяжет*), культ русской паровой бани (*пристал как банный лист, задать баню*), кулачные бои (*взять чью-либо сторону, класть на лопатки, выбивать почву из-под ног*), шитье (*на один покрой, на одну меру*) или парикмахерское искусство (*стричь всех под одну гребенку*). Прототипы фразеологизмов включают русские имена, отражают символику цвета, ход истории страны.

Следует также отметить, что фразеологизмы тесно связаны с пословицами. Последние могут распадаться на две части, два фразеологизма: *стреляный воробей* и *Стреляного воробья на мякине не проведешь*; *тихий омут* и *В тихом омуте черти водятся*; *тянуть лямку* и *Тяни лямку, пока не выроют ямку*; *гоняться за двумя зайцами* и *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь*.

Паремии – это своеобразная энциклопедия знаний о взглядах людей, моральный кодекс нации. Они представляют собой жизненную философию многих поколений (*Человек познается в беде*), разнообразие характеров (*Скромность украшает человека; Во всякой гордости черту много радости; На словах мягок да тих, а на беде злобен да лих*) и сложность человеческой жизни (*Жизнь прожить – не поле перейти; Век живи – век учись*). Паремии

являются специфической историей общественной мысли, главным образом, в ее простонародном варианте: *Дружное стадо волков не боится; С волками жить – по-волчьи выть*. Стоит отметить, что народная мудрость относится к ценностям, являющимся важнейшими этическими принципами, таким как идея правды (*Правду за деньги не купишь; Правда и в огне не горит, и в воде не тонет; Правда светлее солнца; За правое дело стой смело*), добра (*Доброму бог помогает; Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу; Доброта без разума пуста*), справедливости (*Людей не суди, на себя погляди*), красоты (*Для слепого крота ни к чему красота*). К максимам, воплощенным в пословицах и поговорках, обращаются современные журналисты, писатели, политики.

Говоря о связи устойчивых языковых единиц с культурой, нельзя забывать и о крылатых словах. Они тесно связаны с историей, политикой, кино, литературой. Крылатыми становятся различные фразы из литературных произведений, публицистических статей, устных выступлений, рекламы, имеющие конкретный индивидуальный источник происхождения: автора или текст. Эти единицы используются для обозначения понятий, характеристики людей, событий и ситуаций, или обычной языковой игры [2, с. 8]. Приведем несколько примеров: *белеет парус одинокий* ‘о человеке, действующем в одиночку, но отважно, смело противостоящем несчастьям’ (выражение из стихотворения Михаила Лермонтова “Парус” 1832 г.); *блудный сын* ‘о человеке, который грешил, заблудшем, но опомнившемся и покаявшемся’ (из Библии, из Евангелия от Луки); *великолепная семерка* ‘о сплоченной группе людей (обычно мужчин), достигающих ошеломительного успеха в какой-либо области’ (из американского вестерна “The Magnificent Seven” (“Великолепная семерка”), снятого в 1960 г. и являющегося голливудской версией фильма “Семь самураев” Акиры Куросавы 1954 г.); *хотели как лучше, а получилось, как всегда* ‘оценка жалких результатов чьих-то намерений’ (из телевизионного интервью премьер-министра Виктора Черномырдина после неудачной акции по обмену ваучеров в августе 1993 г.); *умом Россию не понять* ‘фраза, которая обосновывает исключительность и загадочность России’ (из стихотворения Федора Тютчева *** 1866 г.); *укрощение строптивой* ‘об усмирении непокорных людей’ (заглавие первого русского перевода комедии Шекспира “The Taming of the Shrew”, крылатым выражение стало еще и благодаря нашумевшим экранизациям – советской 1961 г. режиссера С. Колосова и американской 1928 г. и 1967 г.).

Фразеология в курсе русского языка может использоваться также для чисто практических целей на занятиях, например, по синтаксису. Устойчивые единицы следует тогда считать просто иллюстративным материалом. Среди поговорок – единиц коммуникативного характера – можно найти разные типы предложений: простые (*Дело мастера боится; Старый друг лучше новых двух; Счастливые часов не наблюдают*), сложносочиненные (*Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает; Конь о*

четырёх ногах, и тот спотыкается; Ни радость вечна, ни печаль бесконечна), сложноподчиненные (Когда железо кипит, тогда его и ковать; Лучшие один раз своими глазам увидеть, чем сто раз услышать; Не надо хвалить утро, пока не наступит вечер).

Номинативные фразеологизмы, не представляющие собой предложения по структуре и семантике, всегда выступают в роли соответствующих членов предложения. Этот факт может быть полезным при обсуждении вопросов, связанных, в свою очередь, с морфологией, и служить в качестве иллюстрации некоторых языковых явлений. Лексико-грамматическое значение фразеологизма, т. е. его принадлежность к определенной части речи, обуславливает использование той или иной единицы в зависимости от определенного члена предложения. Не только слова, но и фразеологизмы могут выступать в качестве существительных, прилагательных, глаголов, наречий, междометий, частиц или союзов. Выражения *к шапочному разбору* ‘слишком поздно’, *рукой подать* ‘близко’, *без сучка без задоринки* ‘успешно’ аналогичны наречиям и в предложении выступают в роли различных обстоятельств, тогда как выражения *клевать носом* ‘дремать’, *кривить душой* ‘лгать’, *бить баклуши* ‘бездельничать’ можно отнести к разряду глаголов, являющихся в предложении сказуемыми.

Изучение любых устойчивых языковых единиц, с помощью которых общаются представители данной нации, связано с познанием их культуры, менталитета, мировосприятия и интерпретации его составляющих – событий, явлений, духовных и интеллектуальных ценностей, эмоциональности, психического склада и т. д. Все это должно стать решающим для включения фразеологизмов – своеобразной народной души – в процесс обучения и преподавания языка. В случае фразем как составляющих языка, часто не обнаруживающих черт идиоматичности, это необходимое условие. Правильный перевод текста, который содержит единицы, представляющие собой так называемую **малую идиоматику**, связан с необходимостью знать готовые цельные выражения, понимать их стилистическую окраску и сферу применения в речи. Особенно их нельзя оставлять без внимания в лингводидактике.

Культурные, этнические, психологические, этические, социально-философские контексты, к которым, несомненно, следует обращаться при изучении фразеологии, делают из нее междисциплинарный предмет, который, являясь культурно-информативным источником, может также использоваться в качестве богатейшей лингвистической базы для овладения синтаксисом, морфологией, словообразованием и семантикой. Именно по этой причине широкий подход к фразеологии в лингводидактике кажется нам более подходящим.

В заключение стоит подчеркнуть, что употребление идиом, пословиц, поговорок, крылатых выражений, клише и разного типа других устойчивых формул делает язык более живым, богатым, ярким, образным и точным. А

это, в свою очередь, связано с фактором эффективности выражения мыслей на языке, которым иностранец старается овладеть.

Л и т е р а т у р а :

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Николай Федорович Алефиренко. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / [отв. ред. В. Н. Телия]. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
3. *Верещагин Е. М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
4. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / Вильгельм Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология / Валентина Авраамовна Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
6. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология / Валерий Михайлович Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
7. *Мокиенко В. М.* Почему так говорят? От Авося до Ятя. Историко-этимологический справочник по русской фразеологии / Валерий Михайлович Мокиенко. – СПб. : Норинт, 2004. – 509 с.
8. *Мокиенко В. М.* В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / Валерий Михайлович Мокиенко. – СПб. : Авалон, Азбука-классика, 2005. – 256 с.
9. *Степанова Л. И.* Русская фразеология для поляков / Л. И. Степанова, Е. А. Невзорова-Кмеч, В. М. Мокиенко, Х. Вальтер; red. Jarosław Wierzbński. – Łódź : Wyd-wo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. – 321 с.
10. *Фелицына В. П.* Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко; ред. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 220 с.
11. Фразеология в контексте культуры / [отв. ред. В. Н. Телия]. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 333 с.
12. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка / Николай Максимович Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
13. *Яранцев Р. И.* Русская фразеология: Словарь-справочник / Р. И. Яранцев – М. : Русский язык, 2001. – 845 с.
14. *Chlebda W.* Problem tzw. jednostek języka i praktyka przekładu na język obcy / W. Chlebda // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Opolskiego, Filologia Rosyjska. – 1994. – Т. 33. – С. 41–48.
15. *Chlebda W.* Idiomy polsko-rosyjskie / W. Chlebda, A. Gołubiewa, J. Wawrzyńczyk, T. Wielg. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 2003. – 272 с.
16. *Chlebda W.* Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W. Mokijenko, S. Szuleżkova. – Łask : Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2003. – 706 с.

17. *Pajdzińska A.* O znaczeniu związku frazeologicznego (raz jeszcze) / A. Pajdzińska // Problemy frazeologii europejskiej / [red. A. M. Lewicki]. – T. 4. – Lublin : NORBERTINUM, 2001. – С. 11–18.
18. Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / [red. W. Chlebda]. – Z. 1. – Opole : Wyd-wo Uniwersytetu Opolskiego, 2006. – 184 с.
19. *Wierzbński J.* Paremiologia i skrzydlatologia jako nauki integracyjno-interdyscyplinarne w glottodydaktyce / J. Wierzbński // Interdyscyplinarność w glottodydaktyce. Język – Literatura – Kultura / [red. U. Malinowska]. – Płock : Wyd-wo PWSZ, 2007. – С. 29–37.
20. *Szerszunowicz J.* Frazeologia w kształceniu językowym / J. Szerszunowicz. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2017. – 297 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Alefrenko N. F.* Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms] / Nikolay Fedorovich Alefrenko. – M. : ELPIS, 2008. – 272 s.
2. Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kulturologicheskiy kommentariy [Large phraseological dictionary of the Russian language. Value. Use. Cultural commentary] / [otv. red. V. N. Teliya]. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2010. – 784 s.
3. *Vereshchagin E. M.* Yazyk i kultura. Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture. Linguistic Studies in the Teaching of Russian as a Foreign Language] / E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. – M. : Russkiy yazyk, 1990. – 246 s.
4. *Gumboldt V.* Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics] / Vilgelm Gumboldt. – M. : Progress, 1984. – 400 s.
5. *Maslova V. A.* Lingvokulturologiya [Linguoculturology] / Valentina Avraamovna Maslova. – M. : Akademiya, 2001. – 208 s.
6. *Mokiyenko V. M.* Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology] / Valeriy Mikhaylovich Mokiyenko. – M. : Vysshaya shkola, 1989. – 287 s.
7. *Mokiyenko B. M.* Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do Yatya. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik po russkoy frazeologii [Why do they say that? From Avos to Yat. Historical and etymological guide to Russian phraseology] / Valeriy Mikhaylovich Mokiyenko. – SPb. : Norint, 2004. – 509 s.
8. *Mokiyenko V. M.* V glub pogovorki. Rasskazy o proiskhozhdenii krylatykh slov i obraznykh vyrazheniy [Into the proverbs. Stories about the origin of winged words and figurative expressions] / Valeriy Mikhaylovich Mokiyenko. – SPb. : Avalon, Azbuka-klassika, 2005. – 256 s.
9. *Stepanova L. I.* Russkaya frazeologiya dlya polyakov [Russian phraseology for the Poles] / L. I. Stepanova, E. A. Nevzorova-Kmech, V. M. Mokiyenko, Kh. Valter; red. Jarosław Wierzbński. – Łódź : Wyd-wo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. – 321 s.
10. *Felitsyna V. P.* Russkiye frazeologizmy. Lingvostranovedcheskiy slovar [Russian phraseological units. Linguistic and Regional Dictionary] / V. P. Felitsyna,

- V. M. Mokiyenko ; red. E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov. – M. : Russkiy yazyk, 1990. – 220 s.
11. Frazeologiya v kontekste kultury [Phraseology in the context of culture] / [otv. red. V. N. Teliya]. – M. : Yazyki russkoy kultury, 1999. – 333 s.
 12. *Shanskiy N. M.* Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language] / Nikolay Maksimovich Shanskiy. – M. : Vysshaya shkola, 1985. – 160 s.
 13. *Yarantsev R. I.* Russkaya frazeologiya. Slovar spravochnik [Russian phraseology. Dictionary Reference] / R. I. Yarantsev – M. : Russkiy yazyk, 2001. – 845 s.
 14. *Chlebda W.* Problem tzw. jednostek języka i praktyka przekładu na język obcy [The so-called problem units of language and practice of translation into a foreign language] / W. Chlebda // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Opolskiego, Filologia Rosyjska.* – 1994. – T. 33. – C. 41–48.
 15. *Chlebda W.* Idiomy polsko-rosyjskie [Polish-Russian idioms] / W. Chlebda, A. Gołubiewa, J. Wawrzyńczyk, T. Wielg. – Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 2003. – 272 c.
 16. *Chlebda W.* Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów [Russian-Polish dictionary of winged words] / W. Chlebda, W. Mokiyenko, S. Szuleżkowa. – Łask : Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2003. – 706 c.
 17. *Pajdzińska A.* O znaczeniu związku frazeologicznego (raz jeszcze) [On the importance of the phraseological relationship (again)] / A. Pajdzińska // *Problemy frazeologii europejskiej* / [red. A. M. Lewicki]. – T. 4. – Lublin : NORBERTINUM, 2001. – C. 11–18.
 18. *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski* [Handy Polish-Russian idiomaticon] / [red. W. Chlebda]. – Z. 1. – Opole : Wyd-wo Uniwersytetu Opolskiego, 2006. – 184 c.
 19. *Wierzbński J.* Paremiologia i skrzydlatologia jako nauki integracyjno-interdyscyplinarne w glottodydaktyce [Paremiology and winglatology as integrative and interdisciplinary sciences in glottodidactics] / J. Wierzbński // *Interdyscyplinarność w glottodydaktyce. Język – Literatura – Kultura* / [red. U. Malinowska]. – Płock : Wyd-wo PWSZ, 2007. – C. 29–37.
 20. *Szerszunowicz J.* Frazeologia w kształceniu językowym [Phraseology in language education] / J. Szerszunowicz. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2017. – 297 c.

Пясецька А. Значення фразеології при навчанні іноземної мови (на матеріалі російської та польської мов).

У статті підкреслюється важливе місце фразеології у процесі оволодіння іноземною мовою. Основна увага приділяється питанням, пов'язаним із перекладом стійких виразів на іноземну мову. Крім того, автор показує способи розуміння фразеології та коротко описує її зв'язок із когнітивними науками. Згідно з представленою у статті точкою зору, для лінгводидактики вирішальними рисами фразеологізмів є відтворюваність і перекладаємість. Саме вони допомагають здійснити мету дидактичного процесу – правильно виражати думки мовою, яку іноземець намагається опанувати.

Ключові слова: фразеологія, глотодидактика, переклад, когнітивні науки, антропоцентризм.

Pyasetska A. The value of phraseology in teaching a foreign language (based on the material of the Russian and Polish languages).

The article depicts the important place phraseology has in the glottodidactic process. It focuses on themes related to the question of idiom translation to a foreign language and idioms place in teaching syntax and morphology. Furthermore it shows the ways of understanding the concept of phraseology and discusses its relationship to cognitive science and anthropocentrism. For the process of mastering a foreign language, a broad understanding of phraseology is particularly important. The use of phraseological units in a language makes it more lively, rich, vibrant, imaginative and accurate. The article also underlines the importance of cognitive sciences in contemporary linguistics. It was the phraseological resources of languages that made it possible to emphasize the cognitive role of metaphor, showed ways of conceptualizing the world, and proved language anthropocentrism. Mastering phraseology is a complex process and requires in-depth study of the language. Often it is combined with the need to turn to other disciplines, such as history, geography, fiction, culture or folklore, characteristic of a given country.

Keywords: *phraseology, glottodidactics, translation, cognitive science, anthropocentrism.*